

они должны быть поставлены на видное мѣсто. Чѣмъ больше будетъ сообщено сужденій о немъ бывшихъ его учениковъ, тѣмъ, по нашему мнѣнію, лучше. Будущій біографъ покойнаго сумѣетъ разобратъ въ нихъ. Бѣда грозитъ дѣлу тогда, когда въ данномъ случаѣ совсѣмъ нѣтъ матеріала. Преподаваніе есть дѣло живое, летучее, съ трудомъ поддающееся какой бы то ни было фиксаціи. Профессоръ въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою артиста на сценѣ, который игру свою не можетъ сохранить для потомства. Мы всѣ знаемъ, что великіе артисты играли, въ тѣхъ или другихъ роляхъ, превосходно, вызывали необыкновенный восторгъ зрителей, очаровывали ихъ своею декламаціей. Но повторить, вновь воспроизвести игру и пѣніе великихъ артистовъ, нѣтъ никакой возможности. Это не то, что музыкальное произведеніе композитора, которое можетъ быть повторяемо *ad libitum*, не литературная пьеса, всегда готовая къ услугамъ читателей, не картина, созерцать которую могутъ не только современники, но и отдаленные потомки... Достойное выдающагося профессора чтеніе лекцій есть искусство, но образъ его умираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ прозвучитъ послѣднее слово лекціи, оставляя только извѣстное впечатлѣніе въ умахъ слушателей. Не должны ли они, въ виду этого, повѣдать объ этомъ впечатлѣніи обществу, которое не можетъ относиться равнодушно къ знаменитымъ представителямъ отечественной науки.

Вотъ поэтому я счелъ своимъ долгомъ, въ краткихъ словахъ, передать нѣсколько воспоминаній о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ профессорѣ. Считаю при этомъ необходимымъ сдѣлать ту оговорку, что онъ былъ именно такимъ профессоромъ, какимъ я его изображаю, въ то время, когда я его слушалъ (1876—1877 гг., а затѣмъ 1878—1880 гг.), а, во-вторыхъ, я, разумѣется, передаю лишь субъективныя свои впечатлѣнія, основанныя тѣмъ не менѣе на вѣрныхъ фактическихъ данныхъ.

Еще будучи на школьной гимназической скамьѣ, я, какъ и другіе мои товарищи, зналъ о Буслаевѣ и его авторитетномъ значеніи въ области русской литературы и русскаго языка. По его руководству мы изучали въ старшихъ классахъ грамматику русскаго языка, по его хрестоматіи памятники древнерусской литературы. Со словъ своихъ наставниковъ мы привыкли съ уваженіемъ относиться къ кѣ корифеямъ русской науки, въ томъ числѣ и къ имени Буслаева; тѣмъ болѣе, что при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ мы привыкли обращаться къ трудамъ Буслаева и въ нихъ находить указанія, противъ которыхъ не было и не могло быть возраженій; такъ что въ этомъ случаѣ знаменитое греческое изреченіе о Сократѣ: αὐτός ἔφη (самъ сказалъ), примѣнялось, какъ нельзя болѣе. То же было, какъ я узналъ позднѣе, поступивъ въ университетъ, и во всѣхъ другихъ гимназіяхъ. Неудивительно поэтому, что всѣ филологи первокурсники, недавніе гимназисты, съ большимъ нетерпѣніемъ